

Международное право

Правильная ссылка на статью:

Примов М.Н., Примова М.Н. Единая правовая основа ограничения оборота наземного минного оружия // Международное право. 2024. № 2. DOI: 10.25136/2644-5514.2024.2.71096 EDN: LJJKDOZ URL: https://nbppublish.com/library_read_article.php?id=71096

Единая правовая основа ограничения оборота наземного минного оружия

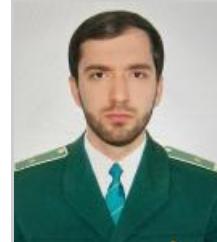
Примов Магомедрасул Нариманович

ORCID: 0009-0003-6216-2734

старший государственный таможенный инспектор Дагестанской таможни

367013, Россия, республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Юсупова, 3

pmn-05@mail.ru

Примова Медина Наримановна

независимый исследователь

367000, Россия, республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Коркмасова, 12, кв. 28

pmn-05@mail.ru

[Статья из рубрики "Международные организации и мирное разрешение споров"](#)

DOI:

10.25136/2644-5514.2024.2.71096

EDN:

LJKDOZ

Дата направления статьи в редакцию:

16-06-2024

Дата публикации:

23-06-2024

Аннотация: Вызванное ликвидацией СССР доминирование коллективного Запада привело к резкому обострению международной обстановки, возникновению новых ожесточенных локальных военных конфликтов с массовым применением наземного минного оружия. Это влечет гибель иувечья как военнослужащих, так и мирного

населения. Существующие международные договоры практически не соблюдаются. Поиск действенных решений в этой сфере отвечает базовым потребностям всех народов мира, в отличие от искусственной проблематики глобальных проектов коллективного Запада, реализуемых под эгидой ВТО, МВФ, МЭФ, ВОЗ, Всемирного банка. Очевидный кризис международного гуманитарного права отражает состояние международных отношений, крайне актуализирует поиск действенных решений реальных проблем гуманитарного характера. Действенность нормативного регулирования является одним из основных направлений решения минной проблемы Сравнительный анализ показал, что сам факт наличия двух основных договоров по наземному минному оружию, с отличными предметом регулирования и составом государств-участников, объективно создает проблемы применения и исполнения данных договоров. А проведенное обобщение сделанных отдельными участниками договоров оговорок и заявлений свидетельствует, что последние могут иметь своей целью неисполнение этих договоров. В рамках двух существующих международных противоминных договоров практически полностью исключается обязательность их исполнения авторами соответствующих новелл. Данный вывод подтверждается содержанием приведенных в работе соответствующих оговорок, заявлений, толкований, принадлежащих авторству государств коллективного Запада. Вместе с тем, именно анализ соответствующих оговорок и заявлений позволил сформулировать основное условие для международно-правового регулирования в рассматриваемой сфере. В качестве решения данных проблем предлагается унификация регулирования оборота наземного минного оружия - установление единой концепции противоминного договора, основывающейся на статусе стороны вооруженного конфликта. Другим положительным следствием наличия единого международного договора, основывающегося на запрете применения наземного минного оружия на территории других государств, является унификация основных определений наземного минного оружия.

Ключевые слова:

международное гуманитарное право, коллективный Запад, локальные военные конфликты, минная проблема, Конвенция, Протокол II, Оттавская конвенция, заявления, оговорки, право международных договоров

Введение

Наиболее характерными проявлениями спровоцированного коллективным Западом кризиса международного гуманитарного права (МГП) являются вооруженные конфликты между РФ и Украиной, а также на оккупированной Израилем территории Государства Палестина, в ходе которых большие потери несут не только вооруженные силы участвующих в данных конфликтах государств, но и гражданское население. При этом допускаются нарушения МГП, в том числе, связанные с применением ограниченных в обороте либо запрещенных видов обычного оружия [\[1, с. 94\]](#).

Текущая ситуация в полной мере подтверждает прогнозы об оправдываемой некоторыми высшими ценностями тенденции к несоблюдению норм МГП; об обострении проблемы соблюдения действующих правовых установлений, нерешенность которой препятствует развитию МГП; о препятствующих развитию МГП долговременных глобальных законодательных инициативах, нивелирующих действующее законодательство; об игнорировании серьезных проблем, скрывающихся за нарушениями норм МГП; о рассмотрении проблем и потенциала МГП в отрыве от процесса поиска решений

основных проблем развития мира [\[2, с. 18-29\]](#).

Вместе с тем, обоснованные сомнения в действенности МГП в разрешении локальных конфликтов не отменяют общего вывода большей части исследователей об отсутствии альтернатив регулирующей роли МГП [\[3, с. 74-80\]](#).

Указывая на необходимость добросовестного соблюдения МГП, исследователи отмечают также отсутствие механизма контроля за соблюдением установленных запретов в качестве существенного недостатка протоколов к Конвенции о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное воздействие (Конвенция об «обычном» оружии), поэтому основной гарантией соблюдения МГП является лишь добрая воля сторон [\[4, с. 68\]](#).

Вместе с тем, именно события последних лет показали необходимость наполнения реальным содержанием деятельности международных организаций, прежде всего ООН, основной задачей которой является обеспечение международного мира и безопасности. По существу, обязанность соблюдать требования МГП является условием членства в ООН. При этом особая ответственность за соблюдение всеми членами ООН ее уставных задач возложена на Совет Безопасности данной организации в лице его постоянных членов - Китайской Республики, Франции, Союза Советских Социалистических Республик, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (Великобритании), Соединенных Штатов Америки, от позиции которых зависит практическое решение всех вопросов обеспечения мира и безопасности.

Нельзя не согласиться с тем, что даже фрагментарное, непоследовательное соблюдение норм МГП непременно оказывает реальное положительное влияние на военные конфликты, способствует минимизации их негативных последствий. Рассмотрение МГП как исторически сложившегося социального механизма, обусловленного потребностью человечества в препятствовании протеканию деструктивных процессов соответствующего рода, минимизации их негативных последствий, приводит к выводу о том, что отказ от МГП является противоестественным актом, поскольку человечеству необходим социальный механизм, препятствующий реализации его собственного деструктивного потенциала. При этом гибридные войны в значительной степени нейтрализуют эффективность данного социального механизма [\[5, с. 33-37\]](#).

В этих условиях особое значение приобретают мотивированные предложения по реализации и адаптации к современным проблемам международных договоров в сфере разоружения, в том числе, регулирующих оборот наземного минного оружия. Данная работа не может иметь успеха без оценки роли холодной войны в разрушении СССР, с учетом факта ее продолжения в отношении России, стратегии США по обеспечению своей абсолютной военной безопасности, реализуемой посредством локальных войн, обескровливающих противников гегемона, безопасных для последнего ввиду отсутствия ответных действий, сопряженных с неприемлемым для США ущербом. Соответственно, основным генератором различных по причинам и поводам конфликтов, войн, являются США. При таких обстоятельствах актуализируется проблема антивоенной борьбы, отказ от решения которой является исторической безответственностью перед нынешним и будущими поколениями [\[6, с. 80-82\]](#).

1. Кризис МГП, локальные конфликты, минная проблема

Стремление оставшейся единственной сверхдержавы укрепить мировую гегемонию,

расширить сферы влияния, ослабить своих соперников, вызвало обострение международной обстановки, связанное с чередой инициированных США войн. В этой связи отмечается масштабность, тотальный характер противоречий, конфликтов, войн, взаимного страха и недоверия, обретших в современных условиях беспрецедентные масштабы и необратимый характер [7, с. 9-19].

Более того, процесс глобализации влияет на трансформацию войн, обуславливающую возникновение у военного и политического руководства всех уровней затруднений с адекватным восприятием непрерывного военного противостояния (Герасимов Н. Н. Философский анализ образа войны в эпоху глобализации: автореф. дис. ... канд. филос. наук. - Волгоград, 2019. URL: <https://vak.minobrnauki.gov.ru/advert/100043197> (дата обращения: 11.05.2024)).

Решение вопросов в сфере международного права в целом и, в частности МГП, невозможно без наполнения реальным содержанием положения Конституции Российской Федерации, согласно которому РФ является правопреемником СССР. События, последовавшие за ликвидацией СССР, показали, что в ином качестве РФ не является участником международных отношений, равноценным коллективному Западу. Последний открыто инициирует локальные вооруженные конфликты, направленные непосредственно, либо опосредованно, против РФ. Между тем, минимизация локальных войн является необходимым условием эффективного решения минной проблемы. Очевидно, что при сохранении доминирующей роли коллективного Запада, у последнего отпадает необходимость в учете интересов, в том числе в сфере МГП, зависимых, встроенных в глобальную повестку государств [8, с. 69-91].

Наличие причин и условий, способствующих возникновению локальных вооруженных конфликтов, свидетельствует о возрастании актуальности решения проблем, связанных с применением обычных вооружений, в том числе, проблемы оборота наземного минного оружия. Действующее ныне международно-правовое регулирование оборота наземного минного оружия – это два документа с различным предметом регулирования и отличающимися концепциями решения проблемы оборота наземных мин. И Протокол о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств с поправками от 3 мая 1996 года (URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/mines_prot2.pdf (дата обращения: 15.04.2024)) и Конвенция о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении (URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/mines_convention.shtml (дата обращения: 15.04.2024)), как показывают локальные конфликты с применением наземного минного оружия, проблемы ограничения оборота последнего не решают.

При рассмотрении проблем, связанных с международно-правовым регулированием оборота наземного минного оружия, особое место занимает вопрос о его эффективности, наличии механизма исполнения имеющихся противоминных договоров. При этом, отдельного рассмотрения требует анализ полноты участия в данных договорах государств, совместивших свое согласие на их обязательность с оговорками и заявлениями, которые не согласуются с содержанием данных документов.

Прежде всего, данный вывод имеет отношение к Протоколу о запрещении или ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств (Протокол II с поправками), положения которого обусловили наибольший разброс мнений среди его участников.

В меньшей степени данная ситуация характерна для Конвенции о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении (Оттавская конвенция), среди участников которой, тем не менее, также имеется государство, заявившее о своих правах, не вполне согласующихся с участием в договоре.

Отмеченные обстоятельства, наличие соответствующих оговорок, создают предпосылки для изменения объема обязательств, исполнение которых возлагается на участников соответствующих международных договоров, соответственно, влечет неисполнение их положений должным образом.

Поскольку законодательное регулирование оборота минного оружия является, наряду с гуманитарным разминированием, одним из основных направлений решения минной проблемы, конкретное содержание правовых установлений не должно оспариваться по причине их недостаточной определенности, отсутствия необходимой конкретики. Толкования отдельных положений противоминных договоров, а тем более данных договоров в целом, должны соответствовать требованиям Конвенции о праве международных договоров.

При таких обстоятельствах имеются основания для вывода о необходимости такой концепции договора о регулировании оборота наземного минного оружия, которая не только основывается на единых, унифицированных определениях всех видов наземного минного оружия, относящегося к обычным вооружениям, но и устанавливает конкретные и недвусмысленные условия для его применения. При этом, в качестве критерия выступает территория, на которой предполагается применение наземного минного оружия.

О необходимости рассмотрения данного вопроса свидетельствует не только различный предмет регулирования двух противоминных договоров, но и тот факт, что основные их установления стали предметом заявлений, толкований, зачастую существенно изменяющих содержание соответствующих регламентаций.

2. Заявления и оговорки в отношении Протокола II

В отношении многих положений Протокола II его участниками сделаны такие заявления и оговорки (URL: www.treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXVI-2&chapter=26&clang=_en (дата обращения: 15.04.2024)), которые, в ряде случаев, влияют на его исполнение. Заметим, что статьи Оттавской конвенцией, в силу статьи 19 последней, оговоркам не подлежат. Полагаем, что в отдельных случаях наличие соответствующих оговорок и заявлений в отношении Протокола II не вполне согласуется с установленными статьей 14 мерами по его соблюдению.

Так, участниками Протокола II являются 106 государств, 26 из которых согласие на его обязательность сопроводили заявлениями, оговорками толкованием отдельных положений данного документа либо последнего в целом. То есть, 80 (75%) из 106 государств не оговорили свое согласие какими-либо оговорками, тогда как 26 (25%) государств сформулировали собственную, зачастую совпадающую позицию, в ряде случаев затрагивающую основное содержание документа. Имеют место также особые, специфические его толкования. Наиболее объемные оговорки, заявления, в значительной степени совпадающие, сделаны США и Израилем.

Большая часть выступивших с заявлениями государств поддержала толкование

Ирландии по статье 1 и пункту 3 статьи 2 Протокола II.

2.1. Заявления с общей позицией

Заявление Ирландии по статье 1, согласно которому всегда должны соблюдаться положения Протокола II, применимые в мирное время, поддержали, сделав аналогичные заявления, Германия, Дания, Швеция, Лихтенштейн, Канада, Финляндия, Южная Африка, Франция, Австрия, Италия, Греция, Бельгия, Королевство Нидерланды.

Кроме того, согласно заявлению Ирландии слова «в первую очередь», которыми дополнен пункт 3 статьи 2 «Определения» Протокола II, имеют своей целью разъяснение, согласно которому противотранспортные мины, оснащенные устройствами, противодействующими обращению с ними, не считаются противопехотными.

Те же, что и Ирландия, заявления по обоим указанным выше положениям сделаны: Австрией, Бельгией, Данией, Финляндией, Францией, Германией, Италией, Лихтенштейном, Южной Африкой, Швецией.

Пакистан заявил в отношении статьи 1, что она имеет приоритет по отношению к иным положениям Протокола II. Данной норме именно Пакистаном уделено особое внимание: заявлено о ее приоритете относительно всего остального содержания договора, недопустимости в этом контексте ограничения прав народов, борющихся за самоопределение против колониального, иностранного господства и оккупации. Кроме того, применительно к данному вопросу, - о сфере применения Протокола II, - отмечено, что его положения должны соблюдаться всегда, с учетом обстоятельств.

Отличное от иных толкование статьи 1 Израилем имеет, по нашему мнению, очевидный подтекст. Ограничение применения Протокола II вооруженными конфликтами лишь с участием вооруженных сил указанного государства оставляет открытым вопрос о соблюдении требований Протокола II иными военизированными формированиями, формально не входящими в структуру вооруженных сил, - полицией, пограничными войсками, частными военными компаниями, спецслужбами данного государства, включая их агентурную сеть, не лишенными возможности применения наземного минного оружия на оккупированных территориях. Как представляется, обязательства государства-участника соблюдать Протокол II не ограничиваются статусом относящихся к данному государству вооруженных формирований, при том, что оборот наземных мин, именно применительно к Израилю, не является доступным исключительно для его вооруженных сил.

Ряд государств посчитал необходимым провести принципиальное разграничение между противопехотными и противотранспортными минами. По пункту 3 статьи 2 Протокола II позицию Ирландии разделили Германия, Дания, Швеция, Лихтенштейн, Канада, Финляндия, Швейцария, Южная Африка, Франция, Австрия, Китай, Италия, Греция, Пакистан, Бельгия, Королевство Нидерланды, Израиль. Речь идет об утверждении, согласно которому слова «преимущественно» («главным образом») применительно к определению ППМ, означают, что противотранспортные мины с устройством защиты от манипуляций, не считаются противопехотными. Здесь же следует отметить несколько иное толкование рассматриваемой нормы Пакистаном, который заявил, что использование при характеристике противопехотных мин слов «в первую очередь» подразумевает исключение из числа данных мин противотанковых мин, снаряженных противопехотными минами в качестве детонаторов, не взрывающихся при контакте с человеком.

В целом, данная позиция представляется несостоятельной, поскольку используемое в Протоколе II определение противопехотной мины отличается от приведенного в Оттавской конвенции, участниками которой являются 15 из названных выше 18 государств, за исключением Китая, Пакистана, Израиля. Кроме того, устройство от обращения (перемещения), препятствующее обезвреживанию противотранспортной мины, делает ее еще более опасной, нежели противопехотная мина.

По существу, заявленное 18 участниками Протокола II толкование пункта 3 статьи 2 соответствует определению противопехотной мины, данному в Оттавской конвенции. Несмотря на полностью совпадающие определения боеприпаса «мина», противопехотная мина в Оттавской конвенции характеризуется иначе, нежели в Протоколе II. В последнем, ввиду использованной в нем оговорки, - «главным образом», преимущественно, - определение противопехотной мины имеет более широкое содержание. В Оттавской конвенции из числа противопехотных мин исключены мины, предназначенные для использования против транспортных средств, оснащенные устройством, препятствующим их перемещению - устройством защиты от манипуляций. Безусловная опасность для человека данной категории мин, обладающих в силу их назначения гораздо более разрушительными свойствами, нежели противопехотная мина, не учитывается установленным Оттавской конвенцией запретом. Тем самым, Протокол II, ввиду предмета его регулирования, решает задачи, заявленные в преамбуле Оттавской конвенции более комплексно [\[9, с.10-26\]](#).

Кроме того, необходимо учитывать процесс совершенствования минного оружия, новые разновидности которого не вполне укладывается в рамки его определений, закрепленных Протоколом, и вообще не учитываются в Оттавской конвенции.

В связи с этим возникает вопрос об изменении концепции противоминного договора, а также о внесении изменений в определения наземного минного оружия, используемые как в пунктах 1-5 Протокола II, так и в статье 2 Оттавской конвенции. Полагаем, что определение мины, предназначенной для уничтожения живой силы противника, должно включать в себя и любые иные разновидности (СВУ, «другие устройства») наземных взрывчатых боеприпасов, предназначенных для той же цели, независимо от способа их установки. При этом эффективной считаем концепцию ограничения применения всех видов наземного минного оружия исключительно территорией собственного государства, для защиты своей государственной границы и территории. Одновременно должен быть установлен полный запрет на передачу (продажу) всех разновидностей наземного минного оружия другим государствам при отсутствии с ними договора о военном сотрудничестве, военной помощи.

Третья по количеству присоединившихся государств-участников позиция касается подпункта б) пункта 2 статьи 5 Протокола II, как не содержащего препятствий для соглашения между заинтересованными государствами в рамках мирных договоров или других аналогичных договоренностей о распределении обязанностей иным образом, нежели это указано в данной норме, при соблюдении ее духа и цели. Тождественные по смыслу заявления по данному вопросу сделали Германия, Швеция, Южная Африка, Италия, Греция, США.

Израиль сформулировал свою позицию иным образом, более категорично, указав на неприменимость данной нормы при наличии мирного договора о передаче территории, иного соглашения о прекращении военных действий.

По пункту 9 статьи 3 совпадают позиции Пакистана, Израиля, США, Великобритании.

Речь идет о заявлении, согласно которому земля может быть законным военным объектом для применения наземных мин, если имеется конкретное военное преимущество. Полагаем, что данный факт является подтверждением полной невозможности рассматривать указанные государства в качестве добросовестного участника Протокола II. Приведенное заявление (толкование) имеет значение, выходящее далеко за рамки отдельного противоминного договора, поскольку оно подтверждает тот очевидный факт, что независимо от участия в международных договорах, главным приоритетом является военное преимущество.

Как отмечалось выше, отдельными государствами-участниками были заявлены собственные, оригинальные, толкования положений Протокола.

2.2. Особая позиция США и Израиля

Весьма объемные оговорка и толкования, во многом аннулирующие заявленное согласие с Протоколом II, принадлежат авторству мировых гегемонов – США и Израиля.

Так, в разделе I своего заявления США сделали оговорку, указав на свое право, приняв меры предосторожности для безопасности гражданского населения, использовать другие устройства для уничтожения запасов продовольствия, напитков, которые могут быть использованы вооруженными силами противника.

Израиль заявил об аналогичном своем праве применительно к подпункту (f) пункта 1 статьи 7 Протокола II. Между тем последний содержит полный запрет на применение мин-ловушек и других устройств, которые соединены или ассоциируются с продуктами питания или напитками.

Учитывая известную репутацию США, которую они полностью подтвердили организацией вооруженных конфликтов (МИД Китая назвал США крупнейшим разжигателем конфликтов. URL: tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/17126497 (дата обращения: 15.04.2024)), в том числе в последние годы, а также действия Израиля в Газе, сложно даже предположить соблюдение ими каких-либо договоров. США систематически организуют военные действия на территории других государств, соответственно, речь в приведенной оговорке фактически идет об уничтожении запасов продовольствия на захваченных США территориях других государств.

По нашему мнению, приведенные выше оговорки, по существу, закрепляют право США и Израиля на осуществление геноцида населения на захваченных территориях других государств.

Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него принятая резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН №260 (III) от 9 декабря 1948 года, вступила в силу 12 января 1951 года. США подписали данную Конвенцию 11 декабря 1948 года, ратифицировали 25 ноября 1988 года, Израиль – 17 августа 1949 года. Согласно пункту с) статьи II Конвенции под геноцидом понимаются действия, совершаемые с намерением полностью или частично уничтожить какую-либо национальную, этническую, расовую, религиозную группу, включающие в себя, в числе прочего, предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное ее физическое уничтожение (URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 16.04.2024)).

Лишение гражданского населения продовольствия и напитков, под предлогом

предположения о возможности его использования вооруженными силами противника, как нам представляется, является откровенным проявлением геноцида.

Безотносительно к конкретной норме, США исключили всякое толкование Протокола II, ограничивающее их полную свободу, по любой причине, отказывать в помощи, ограничивать или запрещать экспорт научного и технического оборудования, материалов, информации, а также заявили, что Протокол II не может использоваться в качестве предлога для всяческой помощи государству-участнику для укрепления его военного потенциала, связанного с минным оружием. Израиль аналогичное заявление сделал применительно к пункту 7 статьи 11 Протокола II.

Заявление США, согласно которому принятное ответственным за проведение военной операции лицом любое решение оценивается лишь на основании оценки им самим информации, доступной во время операции, было сформулировано Израилем ранее, при присоединении 22 марта 1995 года к Конвенции об «обычном» оружии и согласии на обязательность протоколов 1 и 2 к ней, принятых 10 октября 1980 года.

Совпадение позиций США и Израиля имеет место также применительно к статье 14 Протокола II, которая истолкована ими таким образом, чтобы снять какую-либо ответственность с военных преступников и исключить юрисдикцию международного суда в отношении таких лиц.

Подобный подход представляется несовместимым с участием в ООН, все члены которого, согласно пункту 1 статьи 93 Устава ООН, являются *ipso facto* участниками Статута Международного Суда. Обязанность каждого члена ООН выполнить решение Международного Суда по тому делу, в котором он является стороной закреплена пунктом 1 статьи 94 Устава, а право стороны в деле обратиться в Совет Безопасности ООН, в случае невыполнения другой стороной обязательства, возложенного на нее решением Суда - пунктом 2 той же нормы ([URL: www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text](http://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text) (дата обращения: 16.04.2024)).

Вместе с тем, необходимо признать факт отсутствия в статье 14 Протокола II конкретного указания на признание его участниками юрисдикции Международного Суда по спорам о нарушениях данного договора. Альтернативой этому мог бы быть также иной третейский суд с соглашения сторон. По сути, отказ члена международной организации от признания ее юрисдикции в разрешении споров между членами данной организации не согласуется с участием в ней.

Отдельно остановимся на заявлении США по подпункту (i) пункта 1 статьи 7 Протокола II, которая, по утверждению заявителя, относится только к ограниченной категории объектов, относимых к культурному, духовному наследию народов в силу своих четко узнаваемых характеристик и общепризнанного значения. Полагаем, что приведенное толкование позволяет США определять перечень объектов соответствующей категории по своему усмотрению.

Обоснованной, с правовой точки зрения, является позиция Российской Федерации, которая заявила о толковании той же нормы в контексте соответствующей специальной нормы - статьи 1 Конвенции о защите культурных ценностей 1954 года о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта ([URL: treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXVI-2-b&chapter=26&clang=_en](http://treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXVI-2-b&chapter=26&clang=_en) (дата обращения: 16.04.2024)).

Таким образом, США и Израиль, якобы, согласившись с Протоколом II, одновременно

установили для себя эксклюзивные преференции, которые несовместимы с участием в данном договоре.

Венская конвенция о праве международных договоров содержит положения, устанавливающие, что оговорка, несовместимая с объектом и целью договора, не допускается (подпункт «с» статьи 19). Согласно подпункту д) пункта 1 статьи 2 оговорка означает одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством при подписании, ратификации, принятии или утверждении договора или присоединении к нему, посредством которого оно желает исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора в их применении к данному государству (URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/law_treaties.shtml (дата обращения: 16.04.2024)).

Приведенные выше заявления США и Израиля, полагаем, подпадают под действие приведенных норм Венской конвенции, то есть несовместимы с участием указанных заявителей в Протоколе II. В целом, их позиция позволяет предположить, что цель участия в договоре - желание оказывать в необходимых случаях давление на другие государства-участники данного договора, манипулировать ими, одновременно, избавить себя от обязательств по соблюдению договора. Нельзя не отметить при этом географическое расположение США, отсутствие у них, в отличие от РФ, сухопутной границы с недружественными государствами.

О непоследовательности США, которые заявили в 2014 году о готовности практически в полном объеме участвовать в глобальном запрете мин, вместе с тем, наличии в их позиции по данному вопросу изменений исключительно вербального характера, свидетельствует содержание исследования А. Бауэра. В нем же затрагивается тема поиска новых технологий, которые позволяют самим США отказываться от применения одних видов оружия (противотанковых мин) в пользу иного, альтернативного им вооружения [\[10, 128-130\]](#).

Характеризуя в целом Протокол II, полагаем обоснованной его оценку Китайской Народной Республикой, данную 7 апреля 1982 года при ратификации Конвенции об «обычном» оружии и даче согласия на обязательность протоколов I, II, III к ней.

Позиция КНР, без преувеличения, уникальна заявлением о том, что применение наземного минного оружия агрессором и государством, подвергшимся нападению, не могут и не должны интерпретироваться в одинаковой степени: агрессия и самооборона – это не одно и то же. В этом смысле заявление КНР о концептуальных недостатках Протокола II (URL: treaties.un.org/Pages/ViewDetails.aspx?src=TREATY&mtdsg_no=XXVI_2&chapter=26&clang=_en (дата обращения: 18.04.2024)) представляется обоснованным, требует соответствующей реализации.

3. Заявления в отношении применения Оттавской конвенции

Данный документ отражает несбывшиеся желания, связанные с полным запретом противопехотных мин.

Из 164 государств, являющихся участниками Оттавской конвенции, ее подписали 133 государства, остальные присоединились, но к настоящему времени не подписали данный документ. 95 государств являются участниками обоих противоминных договоров. Из общего количества сделавших заявления 16 государств, 12 (Аргентина, Австралия, Австрия, Чили, Чешская Республика, Литва, Черногория, Сербия, Южная Африка,

Швеция, Швейцария, Великобритания), являются также участниками Протокола II, а 4 (Канада, Греция, Маврикий, Польша) участвуют лишь в Оттавской конвенции. При этом, Южная Африка, Швеция, Великобритания сделали свои заявления по обоим документам (URL: treaties.un.org/Pages/Home.aspx?clang=_en (дата обращения: 10.04.2024)).

Что касается существа заявлений, то необходимо отметить особую позицию Австралии, заявившую, что не будет рассматриваться как нарушение Оттавской конвенции, санкционированная ООН или проводимая в соответствии с международным правом совместная, - с вооруженными силами государств, не только не являющихся участниками Оттавской конвенции, но и нарушающими ее запреты, - военная деятельность. Очевидно, что данное заявление сделано в интересах государств, не являющихся участниками Оттавской конвенции и занимающимися запрещенной ею деятельностью. Австралия является военно-политическим союзником США, принимает участие в проводимых под эгидой последних военных учениях. На территории Австралии размещен один из трех наиболее крупных военных центров США [\[11, 82-83\]](#).

Полагаем, что упомянутая деятельность, равно как и толкование Австралией совместной военной деятельности с государствами, нарушающими установленные Оттавской конвенцией запреты, не согласуются с указанными выше положениями Венской конвенции о праве международных договоров, представляют собой фактический отказ от соблюдения Оттавской конвенции.

Обобщая изложенное выше, сложно согласиться с выводом о том, что Протокол II и Оттавская конвенция играют ключевую роль в ограничении страданий и разрушений, сопутствующих локальным конфликтам [\[12, 25-26\]](#).

Заключение

Сам по себе, факт наличия различных заявлений, толкований, оговорок, применительно к базовым положениям обоих противоминных договоров, свидетельствует о возможности собственной субъективной интерпретации данных документов, соответственно, проблематичности их надлежащего единообразного исполнения.

Как минимум, упомянутые заявления и оговорки свидетельствуют, по нашему мнению, о необходимости исключения не согласующихся с требованиями Конвенции о праве международных договоров толкований противоминных договоров. Кроме того, используемая в противоминных договорах классификация наземного минного оружия, соответственно, налагаемые на его применение разнообразные ограничения и запреты, сами по себе, влекут проблемы их контроля и практического применения, соответственно, различные толкования основных положений упомянутых договоров, превращая их исполнение в предмет юридической казуистики.

При таких обстоятельствах, существует объективная необходимость в рассмотрении концепции единого противоминного договора, основывающегося на полном запрете либо ограничении оборота наземного минного оружия государством-участником данного договора на территории другого государства-участника того же договора, за исключением ситуаций, связанных с наличием между ними договоров о военной помощи.

Что касается оборота наземного минного оружия на собственной территории, то безусловным законным основанием для его использования является защита государственной границы, иной территории, в частности, объектов военного назначения, от вооруженной агрессии извне, со стороны иных государств.

Полагаем, что установление соответствующих приоритетов позволит унифицировать противоминные запреты и ограничения в рамках единого международного договора по наземному минному оружию.

Вместе с тем, очевидно, что, в современных условиях, практическая реализация данной либо иной важной мирной инициативы является исключительной прерогативой международных организаций, объединяющих государства, не относящиеся к коллективному Западу, который, как и всегда ранее, признает за противостоящей ему стороной лишь право, основанное на силе.

Библиография

1. Алиев Ш. М. Правовые последствия вооруженных конфликтов немеждународного характера: некоторые вопросы теории и практики // Вестник Московского университета. Серия 11. Право.-2019.-№ 5.-С. 85-99.
2. Бурукина О. А. Развитие международного гуманитарного права в XXI в.: политические и экономические аспекты // Экономика: вчера, сегодня, завтра.-2020.-Том 10.-№ 7А.-С. 17-32.
3. Плакса В. Н. Генезис гуманитарно-правового регулирования ведения военных действий // Вестник военного права.-2021.-№ 3.-С. 74-80.
4. Корженяк А. М. К вопросу о запрещенных методах и средствах ведения военных действий в контексте современного международного гуманитарного права и права международной безопасности // Международное право.-2021.-№ 4.-С. 53-70.
5. Беляев И. А. Право войны как социальный механизм подавления деструктивности межчеловеческого взаимодействия // Интеллект. Инновации. Инвестиции.-2018.-№ 1.-С. 33-37.
6. Даниленко И. С. Современные войны и проблемы антивоенной борьбы (социальнофилософские аспекты) // Вестник Московской международной высшей школы бизнеса (МИРБИС).-2018.-№ 1 (13).-С. 79-84.
7. Гаджиев К. С. О тотализации войны в гибридном измерении // Власть.-2019.-№ 3.-С. 9-19.
8. Ибрагимов А.М., Примов М.Н. Вопросы международно-правового регулирования применения наземного минного оружия в отечественной и зарубежной литературе // Международное право. 2023. № 4. С.69-91. DOI: 10.25136/2644-5514.2023.4.69091 EDN: XBVYUG URL: https://e-notabene.ru/wl/article_69091.html
9. Примов М.Н. Международно-правовое регулирование применения наземного минного оружия: проблемы классификации // Международное право. 2023. № 1. С.10-26. DOI: 10.25136/2644-5514.2023.1.39887 EDN: GLGQTV URL: https://e-notabene.ru/wl/article_39887.html
10. Bower A. Entrapping Gulliver: the United States and the antipersonnel mine ban // Security Studies. 2020. Vol. 29. N. 1. P. 128-161.
11. Савченко Е. О. Роль Австралии в системе военных союзов США // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки.-2019.-№ 2 (835).-С. 77-92.
12. Onwuatuengwu C. An appraisal of the laws on conventional weapons // Journal of Refugee Law and International Criminal Justice. 2022. Vol. 1. N. 1. P. 1-26

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Единая правовая основа ограничения оборота наземного минного оружия».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам применения и реализаций отдельных положений международного гуманитарного права. Как отмечается в статье, «Сам по себе, факт наличия различных заявлений, толкований, оговорок, применительно к базовым положениям обоих противоминных договоров, свидетельствует о возможности собственной субъективной интерпретации данных документов, соответственно, проблематичности их надлежащего единообразного исполнения». В качестве конкретного предмета исследования выступили, прежде всего, положения международных актов, документы и иные эмпирические данные, мнения ученых.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса о правовой основе ограничения оборота наземного минного оружия. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из документов и иных материалов.

Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование положений международно-правовых норм. Например, следующий вывод автора: «Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН №260 (III) от 9 декабря 1948 года, вступила в силу 12 января 1951 года. США подписали данную Конвенцию 11 декабря 1948 года, ратифицировали 25 ноября 1988 года, Израиль – 17 августа 1949 года. Согласно пункту с) статьи II Конвенции под геноцидом понимаются действия, совершаемые с намерением полностью или частично уничтожить какую-либо национальную, этническую, расовую, религиозную группу, включающие в себя, в числе прочего, предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное ее физическое уничтожение (URL: www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 16.04.2024))».

Также автором проанализированы различные документы и иные данные. Например, они связаны с установлением официальной позиции конкретных государств. В частности, отметим следующие рассуждения автора: «Из 164 государств, являющихся участниками Оттавской конвенции, ее подписали 133 государства, остальные присоединились, но к настоящему времени не подписали данный документ. 95 государств являются участниками обоих противоминных договоров. Из общего количества сделавших заявления 16 государств, 12 (Аргентина, Австралия, Австрия, Чили, Чешская Республика, Литва, Черногория, Сербия, Южная Африка, Швеция, Швейцария, Великобритания), являются также участниками Протокола II, а 4 (Канада, Греция, Маврикий, Польша) участвуют лишь в Оттавской конвенции. При этом, Южная Африка, Швеция, Великобритания сделали свои заявления по обоим документам (URL:

treaties.un.org/Pages/Home.aspx?clang=_en (дата обращения: 10.04.2024)).».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема применения и реализаций отдельных положений международного гуманитарного права сложна и неоднозначна. В современных политических условиях очень остро стоит вопрос об эффективности международного права в целом. Попытки найти какой-либо дополнительный механизм его реальной реализации могут быть очень полезными. Сложно спорить с автором в том, что «именно события последних лет показали необходимость наполнения реальным содержанием деятельности международных организаций, прежде всего ООН, основной задачей которой является обеспечение международного мира и безопасности. По существу, обязанность соблюдать требования МГП является условием членства в ООН. При этом особая ответственность за соблюдение всеми членами ООН ее уставных задач возложена на Совет Безопасности данной организации в лице его постоянных членов - Китайской Республики, Франции, Союза Советских Социалистических Республик, Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии (Великобритании), Соединенных Штатов Америки, от позиции которых зависит практическое решение всех вопросов обеспечения мира и безопасности».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод:

«установление соответствующих приоритетов позволит унифицировать противоминные запреты и ограничения в рамках единого международного договора по наземному минному оружию. Вместе с тем, очевидно, что, в современных условиях, практическая реализация данной либо иной важной мирной инициативы является исключительной прерогативой международных организаций, объединяющих государства, не относящиеся к коллективному Западу, который, как и всегда ранее, признает за противостоящей ему стороной лишь право, основанное на силе».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по обобщению и комментированию положений ряда международных актов, что может быть полезно специалистам в данной сфере.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Международное право», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с применением и реализацией отдельных положений международного гуманитарного права.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор в целом рассмотрел заявленные проблемы, достиг цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует признать в полной мере положительным. Из текста статьи прямо следуют предмет, задачи, методология и основные результаты исследования.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Существенных нарушений данных требований не обнаружено.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России и из-за рубежа (Алиев Ш.М., Бурукина О.А., Ибрагимов А.М., Примов М.Н., Bower A., Onwuatuuegwu C. и другие). Многие из цитируемых ученых являются признанными учеными в области международного права.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Автор провел серьезный анализ текущего состояния исследуемой проблемы. Все цитаты ученых сопровождаются авторскими комментариями. То есть автор показывает разные точки зрения на проблему и пытается аргументировать более правильную по его мнению.

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к проблемам международного права, связанным с правовой основой ограничения оборота наземного минного оружия.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи
«Рекомендую опубликовать»